

А Ш Д Ж Е Д О.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовала предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивой,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпять слабыхъ рукъ,
А добротъ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судъ его дремалъ карающій законъ,
Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаянемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ,
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на-время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой могъ
Порядокъ вдругъ завести и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, учены и постъ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простаясь, incognito одинъ
Пустился странствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,

Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись хватая въ когти зло,
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
 По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
 И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
 И говорить: хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
 Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
 Прелюбодѣю смерть. Такова приговору
 Въ томъ городѣ ни кто не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъ
 Отрылъ его и, въ страхъ повѣсамъ городскимъ,
 Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненъ,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Щора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
 Преобратились привычки ужъ въ права,
 И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
 Какъ мыши около зѣвающаго льва.
 Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
 На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
 Роптали вообще, смѣялась молодежь,
 И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
 Межъ тѣмъ какъ вѣтренно надъ бездною скользила,
 И первый подъ топоръ безпечной головой
 Попался Клавдіо, патрицій молодой,

Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
 И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
 Джульету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
 И къ тайнствамъ любви безбрачной преклонить.
 Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
 Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
 Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
 И юношѣ прочли законный приговоръ.

VI.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
 Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
 Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько стѣуя. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззаботной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
 «Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей; скажи,
 Что долженъ я на смерть идти; чтобъ успѣшила
 Она спасти меня; друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума,
 Богъ далъ ей рѣчамъ увѣрчивость и сладость,
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.» — Изволь! поговорю, —
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.

Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонить и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица! (и судя по розовымъ щекамъ,
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?—
 «Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — «За что?»—За то, за чтобы я
 Благодарилъ его красавица моя,
 И не было бъ ему инаго наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготою
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой;
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ эфиръ;
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами)
 Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. — «Боже мой! дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...»
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ...»
 — Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
 Насъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня ,

*

Что если дѣвица, колѣна преклоня,
 Передъ мужчиною и просить и рыдаетъ,
 Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной
 Съ усерднымъ Луціо къ вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего намѣстника молила.
 — Дѣвица! отвѣчалъ суровый человѣкъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. — Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ, и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
 «Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
 Просите вновь его, бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку.
 Конечно, если такъ, не будетъ, вѣрно, толку.
 Не отставайте же! еще!

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердаго блюстителя закона.
 «Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судиіи,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —

Земныхъ властителей ни что не украшаетъ,
 Какъ милосердіе: оно ихъ возвышаетъ.
 Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облечень,
 А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть какъ онъ.
 Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
 — Оставь меня, прошу, сказалъ онъ тихо ей —
 Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
 Была часъ-отъ-часу. «Подумай, говорила,
 Подумай, если Тотъ, чья праведная сила
 Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія, скажи: что было-бъ съ нами?
 Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
 И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
 И новый человѣкъ ты будешь»

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

— Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спасти нельзя миѣ брата
 И завтра онъ умретъ. —

Изабела.

Какъ, завтра! что? нѣтъ, нѣтъ!

Онъ не готовъ еще . . . подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленьи ;
Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛА.

Будь милостивъ !

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленье.
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасной ?
И первый жертвою мой будетъ братъ несчастной. . . .
Нѣтъ, нѣтъ ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совѣмъ безвинная ? Спросись у ней : ужели
И мысли грѣшныя въ ней отъ-роду не тлѣли ?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она : «Постой, постой !
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры ,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами :
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей въ полунощной тиши ,
Молитвами любви, смиренія и мира ,
Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмой,
 Сидѣлъ, уединясь, объять одною думой,
 Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
 Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслить онъ,
 Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
 Услышать вновь ее и взоръ мой усладить
 Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
 Душа.... или когда святова уловить
 Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
 И маяить онъ на крюкъ? Нескромной красотою
 Я не былъ отъ-роду къ соблазнамъ увлеченъ,
 И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
 Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
 Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
 А вынѣ!.....»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ,
 Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
 Онъ небу говорить, а волей и мечтами
 Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,

Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣлъ кипѣлъ. Душевная тревога
 Его осилила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига,
 Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
 А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ безмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
 Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ

По утру къ Анджело явилась Изабела
 И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать! . . .

Твой братъ не долженъ жить . . . а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? Что въ мирѣ хуже
 Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче

Изабела.

Да,

Такъ судять въ небесахъ; но на землѣ, когда?

Анджело.

Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ предположенъе:
Что если бь отдали тебѣ на разрѣшенъе
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

Изабела.

Скорѣе чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова

Анджело.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую... дѣло въ томъ:
Братъ осужденъ на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

Изабела.

Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

Анджело.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

Изабела.

О, пусть моимъ грѣхомъ спасенъе брата станетъ!
(Коль только это грѣхъ.) О томъ готова я
Молятся день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня,
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь.
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего.)
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его,
(Наперсникъ суди, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденьемъ; не то — рѣшить законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАБЕЛА.

Для брата для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты — носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умереть.

ИЗАБЕЛА.

Такъ что же?

Онъ лучшій путь себѣ, конечно, избереть.
 Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
 Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

Анджеоло.

За что-жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
 Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
 Въ жестокосердіи. Давно-ль еще? Сей часъ
 Ты праведный законъ тираномъ называла,
 А братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала.

ИЗАБЕЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
 Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
 Противорѣчила я, милое спасая
 И ненавистное притворно извиняя.
 Мы слабы.

Анджеоло.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
 Такъ женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
 И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
 Иль будешь ничего. Такъ покоришься волѣ
 Судьбы своей.

ИЗАБЕЛА.

Тебя я не могу понять.

Анджеоло.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?

Джюльету братъ любилъ, и онъ умереть, несчастный!

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛА.

Знаю: властный

Испытывать другихъ, ты хочешь. . . .

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,

Отъ слова моего теперь не отопрусь;

Клянуся честію.

ИЗАБЕЛА.

О много, много чести!

И дѣло честное! . . . Обманщикъ! демонъ лести!

Сейчасъ мнѣ Клавдію свободу подпиши,

Или поступокъ твой и черноту души

Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить

Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я;

Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя

И самый приговоръ надъ братней головою

Представятъ твой доносъ безумной клеветою.

Теперь я волю далъ стремленію страстей.

Подумай и смирись предъ волею моей;

Брось эти глупости: и слезы, и моленья,

И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья

Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной

Искупишь ты его отъ плахи роковой.

До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.

И знай, что твоего я не боюсь извѣта.

Что хочешь говори, не пошатнуся я.

Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшить она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью, бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: Миръ вамъ! очнулся онъ
И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
«Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.»
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдіо.

Что жъ, милая сестра,
Что скажешь?

АНДЖЕЛО.

ИЗАБЕЛА.

Милый братъ! пришла тебѣ пора

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

Нѣтъ, иль развѣ полатиться

Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,

Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,

Братъ милый! Я боюсь. . . Послушай, милый братъ,
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?

Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?

Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
 Колю долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
 Какъ дѣву милую.

ИЗABELA.

Вотъ братъ мой! узнаю;
 Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно,
 Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
 Послушай, ничего тебѣ не утаю:
 Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
 Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь.
 Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь, —
 Самъ демонъ; сердце въ немъ черно какъ ядъ глубокой
 И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗABELA.

Адъ облекъ
 Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ! . . .
 Знай: если бъ я его безстыдное желанье
 Рѣшила утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О, нѣтъ, не надобно!

ИЗABELA.

На гнусное свиданье,
 Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
 Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗABELA.

Братъ милой!
 Богъ видитъ: ежели одной моею могилой

Могла бы я тебя отъ казни искупить,
 Не стала бь болѣе иголки дорожить
 Я жизнью моею.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ мой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить рѣшился бь онъ на-вѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.

Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ — однако жь... умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,

Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна

И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,

Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,

Или во льду застыть, или съ вѣтромъ быстротечнымъ

Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ...

.....

ИЗАБЕЛА.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинить.

ИЗАБЕЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь! . . . Кровосмѣситель! нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри! Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все-таки-бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю.
За жизнь — ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего на-силу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять,
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Ни что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ и, можетъ быть, хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушалъ весь рассказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что. . . . Онъ тихо въ дверь вошелъ
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.»
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе
И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело
Угрюмой, злой души печальное зеркало,

Желанья женскія на-вѣки привязало
 И нѣжной красотѣ повравиться могло?
 Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный челоуѣкъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
 Душою нѣжною, печальной и смиренной,
 Душой, отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательства насмѣшливо каря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
 «Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
 «Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изнывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая,
 По наставленію монаха, къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ ангель, Изабела
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
 Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть вятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: *Теперь о братъ не забудь.*
 Марьяна бѣдная сквозь слезы улыбалась,
 Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

*

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
И сидя съ Клавдію, страдальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась —
Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читають: что-жъ? Намѣстникъ
Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ представить
Начальнику тюрьмы: свой перстень и печать,
И казнь остановилъ, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отправился, дабы вельможу злова,
Столь гнусныя дѣла творящаго во тмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдію успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело, смущенный,

Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
 Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
 Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
 И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ — в прямо въ ноги Дуку
 Дѣвица падаетъ. «Помилуй, государь!
 Ты щить невинности, ты милости алтарь,
 Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мечетъ...
 Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
 — Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
 Приговореннаго на смерть. Сія утрата
 Въ ней разумъ потрясла...

Но обнаружа гнѣвъ
 И долго скрытое въ душѣ негодование,
 — Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
 Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
 Дѣвица! Анджело! за мною, во дворець.

VII.

У трона во дворець стояла Маріана
 И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
 Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ;
 Все объяснилось, и правда изъ тумана
 Возникла; Дукъ тогда: «Что, Анджело, скажи,
 Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой твердостію тотъ отвѣчаетъ: — Казни.
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Вести меня на смерть. —

«Иди! сказалъ властитель,
 Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель!»

Но бѣдная жена, къ ногамъ его упавъ,
 — Помилуй! молвила, ты мужа мнѣ отдавъ,
 Не отымай опять; не смѣйся надо мной. —
 «Не я, но Анджело, смѣялся вадъ тобою,
 Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
 Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
 Его сокровища, и будешь ты награда
 Супругу лучшему.» — Миѣ лучшаго не надо.
 Помилуй, государь! не будь неумолимъ,
 Твоя рука меня соединила съ нимъ;
 Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
 Онъ челоуѣчеству свою принесъ лишь давъ.
 Сестра! спаси меня! другъ милый Изабела!
 Проси ты за него, хоть на колѣни стань,
 Хоть руки подыми ты молча. —

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангель, пожалѣла
 И предъ властителемъ колѣна преклоня,
 — Помилуй, государь, сказала: за меня
 Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
 И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
 Покамѣсть на меня очей не устремилъ.
 Прости же ты его! —

И Дукъ его простилъ.

А. Пушкинъ.

